Михайло Козарич

Уж как на роди́ Михайла испортили:
Как отець-мати Михайла незанавидели,
Уж как род-племя да не в люби его дёржа́т —
Его отдали бабушки-задворёнки.
Уж как ростила тут бабушка его задворёнка,
Она корьмила кусоцьками прошоныма,
Она поила молоком его козловеньким.
Как по етому-ту молоку козловому
Уж как про́звали Михайла Козарицём.
Как повырос Михайло да до семнадцеть полных лет.
Говорит-то ему бабушка-задворёнка:
«Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты пойди-ко-се, Михайло, да на конюшин двор,
Выбирай-ко... ко себе коня ежжалого,
Ты ежжалого коня себе, стоялого.
Не того бери, у которого да сниз, низ повети стои‹т› хвост, —
Ты того бери, у которого да сверх повети его нос.
Зауздай-ко его, его да золотым седлом,
Золотым-то седлом да серебреной уздой,
Поезжай-ко, Михайло, да в чистоё во полё
Ты стрелять в гусей да серых уточёк —
Достреляйсе до белой да до лебедушки!»
Тут пошел-то наш Михайло да на конюшиной двор,
Зауздал себе да коня езжалого.
Только видели, как Михайло да на коня-то сел,
А не видали поездки Михайловой.
Вот уж едёт Михайло день поры,
Уж как едёт Михайло второй поры,
Не пиваюци он едёт, да не едаюци,
Он добру́ коню отдо́ху да не даваюци.
Как завидел Михайло: да сырой дуб сто́ит.
На сыром-то дубу да чёрной ворон сидит,
Уж как чёрн-от ведь воро́н, да птица вещая.
Натягаёт Михайло да свой могучей лук,
Направляёт Михайло да калену́ стрелу.

Заговорил тут черной ворон да свом голосом,
Уж как голосом-то он да человеческим:
«Уж ты ой еси, Михайло, постылый сын,
Не стреляй-ко ты да в меня, чёрна ворона,
Как тебе моёго-то ведь мяса не исть будёт,
Как моей-то крови не пити будёт,
Тебе силы со мной да не спроведати,
Уж как силы своей да богатырьскою.
Поезжай-ко, Михайло, да во чистоё во полё.
Во чисто́м-то поли да там есть буйство стоит:
Там ведь бьютце-дерутце да три татарина,
Промежду́ они да с собой дел делят,
Они дел-то деля́т — да красну деви́цу-душу́.
Она по́ роду-то тебе будёт родна сёстра!»
Как скочи́л-то Михайло да на добра́ коня,
Он поехал, Михайло, да во чистоё во полё.
Вот и едёт Михайло день поры,
Уж как едёт Михайло друго́й поры —
Как завидел Михайло да бел поло́тенной шатер.
Как во том-то во шатри да красна девица сидит,
Они плакуци сидит и да рыдаюци,
Ко сырой-то земли да припадаюци.
А как за тем-то за шатром да там и буйство стоит:
Уж как бьютце-дерутце да три татарина.
Как перв-о́т ей татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь, хошь не плачь, да красна девица душа,
Уж как ты-то только да мне достанешьсе —
Я возьму-то тебя да за племянника взаму́ж,
Будешь ключница да ты у нас замочница,
Золотой-то казны да будёшь счетчица!»
Как друг-от-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь да не плачь, да красна девица душа,
Уж как ты то́лько да мне достанешьсе —
Я возьму-то тебя да за сына взаму́ж,
Уж я поставлю тебя ко кровати да ко тесовою,
Буду секти тебя плеткою шелковою!»
Как треть-ёт-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь, хошь не плачь, да красна девица душа,
Я возьму-то тебя да за себя взаму́ж,

Я срублю твою да буйну голову,
Розрублю я твое да тело белоё
Я на мелкия куски да на череньёвы,
Раскидаю его да по чисто́му по полю.
Серым волкам-то да на потасканьё,
Черным ворона́м-то да на пограяньё!..»
У Михайла-то очи да помутилисе,
Горюци те слезы да покатилисе.
Он ведь двух-то татаринов конем стоптал,
Он третьёго-то татарина да вострой саблей иссек.
Отрубил-то его да буйну голову,
Разрубил его да тело грязноё,
Разбросал-то он да по чисто́му по полю
Серым волкам-то да на потасканиё,
Черным воронам да на пограениё.
Взял с собой-то он да красну девицю душу́.
Как поехали они да там чисты́м полём.
Говорит-то ему да красна девица-душа:
«Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты поставь-ко-се да бел поло́тенной шатер,
Да с тобой-то нам да отдохнути надо,
Покормить надо добра́ коня.
Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты возьми-ко меня да за себя взаму́ж,
Я слугой тебе да буду верною,
Я женой тебе да неизменною!..» —
«Уж ты глу́па-преглу́па, да красна девица душа,
Уж ты глу́па-преглу́па да дочь Петровна хороша,
Ты ведь по́ роду ты мне будёшь родна́ сёстра!..»
Уж как сели они да на добра́ коня,
Подъезжают ко двору́, да двору батюшкову.
Отец-маменька да на красно́м крыльце.
Они в пояс им да низко кланялись:
«Ты пожалуй-ко-се, Марфа Петровная,
Ты пожалуй к нам да во светлу́ грейну
К нам не хлеба-соли ись, а пивовару пить».
А Михайла-то они и не примолвили.
У Михайла-то очи да помутилисе,
Горюци ти слезы да покатилисе.

Снизу золото сорвал — да он во корманы склал.

У них еще был брат Иванушка, маленький. Его татары увезли. Мать просила, чтоб он поехал
освободил Иванушку. Но он уже не захотел, не поехал: ему же обидно было. Татары злы были,
детей таскали.

(Зап. М. Кузьминской, Л. Незванкиной 25 июля 1975 г.: пос. Каменка Мезенского р-на — от Рахманиной Евдокии Александровны, 73 лет. Записано с пения.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.